

О ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ ‘ТРОП’

© 2013 г. В. П. Москвин

Критически проанализированы критерии определения понятия ‘троп’. Систематизированы основные трактовки данного понятия в античной, средневековой и современной научных традициях. Уточнено соотношение понятий ‘троп’ и ‘фигура’, ‘троп’ и ‘перенос’, определено место тропов в системе выразительных средств языка.

The article sets criteria for defining the notion of ‘trope’. The main takes on this notion – as pertaining to the Ancient, Medieval, and Modern scholarly traditions – are systematized. Specifically, the notion of ‘trope’ is weighed against ‘figure’ and ‘transference’. The position of the tropes within the system of expressive linguistic means is accounted for.

Ключевые слова: троп, фигура, выразительное средство, перенос, дескриптивность, декоративность.

Key words: trope, figure, expressive mean, transfer, descriptivity, decorativity.

Начиная с античности “среди грамматиков и философов не ослабевают баталии относительно родов, видов и числа тропов” [1, с. 75]; необходимость “гораздо более внимательно отнестись к теории тропов, не доверять некоторым традиционным взглядам на сущность тропа” [2, с. 148] была осознана и современными учёными. Чтобы убедиться в справедливости подобного рода критических суждений, сопоставим количество и состав тропов в списках:

1. Трифона Александрийского (I в. до н.э.): метафора, катахреза, аллегория, энигма, металеписис, метонимия, синекдоха, оноματοпея, перифраза, анастрофа, гипербатон, плеоназм, параллерома, эллипсис, гипербола, эмфазис, энаргия, парасиопеза, гомеозис, характеристика, сокращение (συντομία, букв. ‘устранение всего лишнего’), брахилогия, силлеписис, эпанафисис, парэкрбасис, амфиболия, антифразис, метатипозис (эналлага), антономасия, ирония, сарказм, миктеризм, хариентизм, хлеазм, астеизм, паремия [3, с. 191–206].

2. Анонимного автора “Риторика к Гереннию” (I в. до н.э.): оноματοпея, антономасия, метонимия, перифраза, гипербатон, гипербола, синекдоха, катахреза, метафора, аллегория. Термин *τροπος* здесь не употребляется, однако перечисленные “десять словесных украшений” определены как “отклонения от обычного значения слова, с некоторою приятностию (quadam venustate) к иному смыслу приложенные” [4, с. 135], т.е. как тропы.

3. Римского грамматика Элия Доната (IV в. н.э.): метафора, катахреза, металеписис, метонимия, антономасия, эпитет, синекдоха, апсиопеза, оноματοпея, перифраза, гипербола, гипербатон

(в частности, анастрофа, тмезис, парентеза, синхизис и гистерология), аллегория, или иносказание (“коего семь видов суть”: ирония, антифразис, энигма, хариентизм, сарказм, астеизм и паремия, т.е. “proverbium vel adagium” ‘поговорка или изречение’), гомеозис, эпимона, гипаллага, антиптосис, гендиадис, литота, хронография, топография, география, антгипофора, антитетон, брахилология, эротема, эпекзегезис, апострофа, прозопопея, эвфония (“bona sonoritas”, “vocalitasê), аллеотета, эмфазис, эпанод, парадиастола, силлеписис [5, с. 101–108].

4. Питера Моселлануса (1493–1524), влиятельного филолога Тюдорианской эпохи: метафора, катахреза, металеписис, метонимия, антономасия, эпитет, синекдоха, оноματοпея, аллегория (включая энигму, паремию, иронию, сарказм, астеизм, миктеризм, антифразис и хариентизм), перифраза, виды гипербатона (анастрофа, диалисис, диакопа, синхизис и гистеропротерон), гипербола, эмфазис (“злодейство в м. Злодей”), виды гомеозиса (икона, парабола и парадигма), хронография, топография, топотезия, этиология, эпанод, каталог, силлогизм и апострофа [6, с. 22–30].

5. Филологов XX в.: а) метафора, метонимия, синекдоха, эмфазис, гипербола, антономасия, ирония, литота, перифраза [7, с. 250–269]; б) антимерия, эвфемизм, гипербола, ирония, литота, мейозис, метафора, метонимия, оноματοпея, оксюморон, парадокс, каламбур, сравнение [8, с. 461]; в) оноματοпея, антономасия, метонимия, перифраза, гипербатон, гипербола, синекдоха, катахреза, метафора, аллегория [9, с. 213–218].

Учёные античности и средневековья принимают попытки систематизации тропов, объединяя их деривационными (“метафора есть сокращённое сравнение” [1, с. 76]), трансформационными (аллегория “образует род весьма развёрнутой метафоры” [1, с. 81]), таксономическими и иными связями. Примечательна в этом плане схема Гергарда Фосса (1577–1649), подразделившего тропы на два класса: первичные и вторичные. В числе первичных названы метафора, метонимия, синекдоха и ирония, которые “понятия или соединяют, или разъединяют. Соединяют либо по сущности (*essentialiter*), либо по случаю (*accidentaliter*). По сущности – часть и целое, по случаю – причину и следствие, субъект и свойство. Разъединяют же либо по дружескому согласию, т. е. по сходству, либо по противодействию, т.е. по контрасту. Первому роду синекдоха принадлежит, второму – метонимия, третьему – метафора, четвёртому – ирония”. Под категории “первичных тропов” Г. Фосс подводит ряд других средств на правах “вторичных тропов”: так, антонимия представляет собой вторичный троп, ибо она “видом синекдохи является”; эвфемизм – поскольку он основан на антифразисе, метонимии, синекдохе или метафоре; аллегория же состоит в “развёртывании тропа, а потому к первичным тропам не принадлежит” [10, с. 163, 171, 187–189 и 195].

Ещё Густав Гербер (1820–1901) отметил, что античные учёные не смогли с достаточной ясностью отграничить тропы от фигур, а потому “колебались, что к тропам, а что к фигурам отнести. Так, Трифон под рубрикой *περί τρῶπων* приводит также анастрофу, гипербатон, плеоназм, эллипсис и т.д.” [11, с. 9 и 12]. Сходную картину наблюдаем и в работах средневековых исследователей: например, византийский филолог Георгий Хиробоск (IX в.) в числе тропов упоминает, с одной стороны, аллегория, метафору, метонимию, металепис, синекдоху etc. (переносы), с другой – эллипсис, силлепис, гипербатон, анастрофу и эффикцию [12, с. 802–818], к переносам и семантической двуплановости отношения не имеющие; если П. Моселланус относит хронографию, топографию и другие типы дескрипций к числу тропов, то, к примеру, Филипп Меланхтон (1497–1560) считает их фигурами [13, с. E iii]. Такие колебания получили отражение и в словарных дефинициях: “Гипербола, *γ. ж. [ὕπερβολή]*. Гипербола, в коей иным фигура, иным троп видится, состоит в некоем вероятности превосходящем суждении” [14, с. 526]. Эразм Роттердамский (1467–1536), вероятно, с тем чтобы избежать указанных таксономических сложностей, *de facto* заменил понятие

тропов и фигур понятием “словесного изобилия (*соріа verborum*)” [15, с. 273 et al.]. К замечанию Г. Гербера добавим, что размещение перифразы и эпитета (номинативных единиц), гипербатона и сравнения (фигур) на одной таксономической горизонтали не вполне логично; кроме того, среди тропов упоминаются и жанры речи: так, Ф. Меланхтон, в соответствии с давней традицией, относит к тропам “паремию, параболу и парадигму, речь укрепляющие” [13, с. D ii].

Высказанные упрёки могут быть адресованы и тропографам Нового времени, поэтому не кажется большим преувеличением мысль Вильгельма Шерера о том, что к достижениям античной тропологии “во все последующие эпохи оказалось нечего добавить” [16, с. 50]. В свете приведённых фактов разнобоя и таксономической непоследовательности очевидной представляется необходимость выявления, систематизации и критического анализа основных подходов к истолкованию понятия ‘троп’ и критериев его определения.

В одном из узких пониманий троп определяется как “выражение (*sermo*), повёрнутое от его естественного и главного значения к другому украшению речи ради (*ornandae orationis gratia*)” [1, с. 87], т.е. “с целью сделать её красивой (*εὐπρεπῆστέραν*, букв. ‘благоблистательной’)” [17, с. 779]. Учёные указывают и на изобразительность тропов; так, британский просветитель Иоанн Гарланд (ок. 1180–1252) пишет: “*Dictio translata tropus est sub ymagine quadam*” ‘Троп есть выражение, переосмысленное под некую картинку’ [18, с. 176]. Декоративность и изобразительность предполагают активное использование тропов в художественном (“изобразительном”) стиле; отсюда трактовка тропа “как слова-образа под конститутивным руководством внутренней художественной, поэтической формы” [19, с. 147]. С этой точки зрения троп может быть определён как семантически двуплановое дескриптивное наименование, используемое в декоративных целях. Данная дефиниция составлена с учётом следующих критериев: 1) семиотического: троп – это знак, двусторонняя номинативная единица: слово (“*τῶπος δὲ ἔστι λόγος*”) [3, с. 191], “слово или выражение (*verbum vel sermo*)” [1, с. 75]; 2) двух семантических: а) двуплановость; б) дескриптивность; 3) функционального: декоративность. Первый регулирует выбор идентификаторов (*слово, выражение, номинативная единица, знак*), остальные – отбор конкретизаторов дефиниции. Анализ научной литературы разных лет подводит к заключению о том, что источниками многочисленных вариантов широкое понимание тро-

пов являются различия в подходах к указанным четырём критериям оценки принадлежности речевых феноменов к разряду тропов.

1. Семиотический критерий

Уже в античности имело место заметное различие в семиотических трактовках тропа, представленное двумя типами определений:

1. Марк Фабий Квинтилиан (35–96 н.э.) понимает троп как “*verbum vel sermo*”, т.е. как слово или выражение, а следовательно, как номинативную единицу, знак, ср.: “Как мне представляется, тропом считать можно только тот случай, когда одно слово другим замещается (*verbum pro verbo poneretur*)” [1, с. 75]. Возможность субституции предполагает материальность, знаковую, а также “парадигматический характер тропа” [20, с. 46] как двусторонней номинативной единицы.

2. Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) понимает под тропом “*verborum immutatio*”, т.е. перенос, ср.: “Речь украшается, как полагают греки, если пользуются слов переносами (*verborum immutationibus*), кои тропами они именуют” [21, с. 225]. В поддержку этого подхода в качестве довода *ex etymologia* обычно указывают на происхождение термина *троп* [греч. *τρόπος* ‘перенос’, букв. ‘поворот’ < *τρέπειν* ‘поворачивать’]. Тропы, при осмыслении их как процедур, в частности переносов или переосмыслений, толкуются через идентификаторы ‘фигура’, ‘образная фигура (*Bild-Figur*)’ [11, с. 12], ‘перенос’, ‘фигура переосмысления’ (например: [22, с. 248]) и др.

Автор старинной риторики на вопрос “В чём различие между тропом и фигурой?” даёт ответ: “В тропе всегда изменяется значение слова, настоящая же фигура (*figura verò*) оставляет значение слова прямым” [23, с. 47]. Мнение о том, что “тропы изменяют смысл, фигуры же – форму речи” [24, с. 208], согласуется и с этимологией термина *фигура* [лат. *figura* < *fungo* ‘формирую’]. Однако в рамках данной концептуальной парадигмы приходится: а) отказать “фигурам переосмысления” в статусе фигур, ибо “фигура есть либо выражения, либо речи к лучшему изменению, без переносов и переосмыслений” [25, с. 4]; б) причислить к разряду тропов все типы переносов: с рода на вид, с вида на род, с вида на вид, перенос *ex analogia* [7, с. 249–250] и др., что влечёт за собой полное отождествление тропов с переносами, а значит делает понятие тропа *de facto* излишним.

Чтобы такого отождествления избежать, целесообразно считать троп номинативной единицей (“*verbum vel sermo*”), образованной в результате

переноса (переосмысления), т.е. использования метафорического, метонимического и иных переносов, которые как раз и являются “фигурами переосмысления”. С этой точки зрения приемлемой представляется позиция специалистов, считающих, что “результатом приёма является троп” [26, с. 223].

Полагать, даже вслед за таким авторитетом, как Иоганн Аделунг, что “фигура представляет собой род (*geschlecht*), а троп – вид (*gattung*)” [27, с. 382], т.е. трактовать тропы как фигуры, нецелесообразно ещё и потому, что в этом случае выражение *тропы и фигуры* становится алогичным как объединяющее видовое и родовое наименование в пределах одного сочинительного ряда. Следует, видимо, говорить, с одной стороны, о перифразе, сравнительном обороте, метонимических и метафорических наименованиях как выразительных средствах, с другой – о метафорическом и метонимическом перифразировании, сравнении, метонимическом и метафорическом переносах как фигурах; именно в этих случаях наблюдаем “условность, нечёткость границ между собственно тропами” и “стилистическими приёмами” [28, с. 8].

2. Функциональный критерий

Как известно, в рамках классического канона тропы и фигуры традиционно рассматриваются как средства украшения речи [лат. *sermonis ornamenta*]. Давно замечено, однако, что латинский глагол *ornare*, как и греческий *κοσμέω*, калькой которого он является, означает не только ‘украшаю’, но и ‘снаряжаю’; термин *ornamenta* означает ‘снаряжение’, в частности ‘вооружение’ и ‘украшение’, ср.: «Слово, используемое для обозначения стиля, *ornatus*, означает не просто “орнамент” или “украшение”. Для римлян *ornatus* ассоциировалось со снаряжением или солдатской амуницией... Первое значение глагола *ornare* – ‘снабжать, оборудовать’. И лишь затем идёт ‘украшать, делать красивым’» [29, с. 67]. В свете данного факта понятие ‘*sermonis ornamenta*’ можно понимать и расширительно – как усиление речи посредством тропов и фигур, ср.: “*Tropus est verbi vel sermonis a propria significatione in aliam cum virtute mutatio*” ‘Троп есть слова или речи от прямого значения к другому изменению, придающее силу’ [1, с. 75]. При таком понимании, допускающем расширение функциональной сферы действия тропов, к их числу относят *любые* переносные, т.е. семантически двуплановые средства языка, а троп определяется как “слово, употребленное в переносном значении” [30, с. 403]. Так,

Трифон определяет троп как “слово, перенесённое (*παράτροπῆν*, букв. ‘повёрнутое’) от прямого употребления с целью украшения (*κοσμητέραν*) или же по необходимости” [3, с. 191]. Если функция украшения связывает тропы с художественной речью, то номинация “по необходимости” открывает для них все остальные сферы языка, включая даже “разговорную речь” [7, с. 248]. Такой подход, поддержанный традицией, приводит, однако, к следующим неприятным результатам:

1. В число тропов попадают речевые единицы целого ряда несовместимых в функциональном отношении типов: а) аллегорические выражения, в частности паремии: *Пожалел волк кобылу: оставил хвост да гриву* (дидактическая функция), абсолютизация данной функции даёт следующую зауценную трактовку тропики: “Тропология – тропеическая, фигуральная речь, на исправление нравов направленная (*ad emendationem morum directus*)” [31, с. 48]; б) иронические выражения: *умник* (хариентизм), *Люблю мерзавца!* (*ironia urbana*, астеизм); в) метонимические свёртки: *читать Пушкина* (установка на компрессию); Б.В. Томашевский, однако, относит это явно прозаическое выражение к числу тропов, т.е. к сфере “поэтической семантики” [32, с. 64]; г) мёртвые метафоры: *ножка стола* (номинативная функция); В.С. Дуров видит здесь троп, приводя не вполне уместные для данного случая слова Цицерона о том, что “нет тропа более блистательного, чем метафора” [33, с. 10]; д) образно-декоративные выражения, например *алмазные фонтаны* (эстетическая функция, апеллирующая к чувствам и воображению); именно с этой точки зрения тропы трактуются как представляющие собой “эстетическую ценность (*ästhetische Wert*)” и “нечто прекрасное (*etwas ‘Schönes’*)” [34, с. 88]. Будем считать, что “существенное свойство эстетической функции – это наслаждение, которое она вызывает” [35, с. 56]; что эстетическая функция речи связана с выражением “эмоции восторга и любования”, с её способностью “привлекать нас своею красотой” [32, с. 64 и 100], что поэтическое есть нечто “созданное для художественного любования” [36, с. 102]. Думается, что прозаические выражения *читать Пушкина* и *ножка стола* не отвечают данному условию. По этой же причине возникает сомнение в том, что аллегория, энигма, паремия, ирония, сарказм, астеизм, миктеризм, диасирм, антифразис, хариентизм и гипербола “относятся к украшениям речи” [37, с. 20].

2. Возникают сложности в разведении тропики (образно-декоративной речи) и металогии (переносного употребления языковых единиц),

в частности тропики и словесной образности – семантической двуплановости, используемой в экспрессивных целях: *лиса, змея, медведь* (о людях), *взяться за оружие, ходить в шелках*. Если определить тропы как средства словесной образности, используемые в эстетической функции, то словесная образность оказывается понятием несколько более широким, чем тропика.

В ряде концепций наблюдаем абсолютизацию функционального критерия определения тропов. Так, Квинтилиан, понимая тропы как семантически двуплановые выражения, используемые “в целях украшения речи”, членит их на два ряда: а) метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, оноματοпепя, катахреза, металепсис; б) эпитет, аллегория, ирония, перифраза, гипербатон, гипербола [1, с. 75–86]. Второй ряд Квинтилиан предваряет словами: “Другие же *не благодаря значению, но как украшение* (курсив наш. – В.М.), а не простое расширение речи <в качестве тропов> принимаются” [1, с. 81].

Данная логическая вольность, практикуемая Трифоном, Квинтилианом, Элием Донатом, Хиробоском и рядом других учёных, привела к тому, что в разряд тропов попали такие средства ритмизации, т.е. эвфонического украшения поэтической речи, как гипербатон, анастрофа, синхизис, гистерология, гистеропротерон, эллипсис, тмезис, парентеза и параплерома – “втычка”, краткое, как правило, односложное слово, “вставляемое <в стих> красоты и ритма ради” [17, с. 721]. Грамматик IV в. н.э. Диомед, принимая толкование тропа, предложенное Квинтилианом, и составленный им список тропов, расширяет понимание гипербатона: «Гипербатон есть в одной и той же мысли долгое речи откладывание и перенесение, порядок слов нарушающее [например: *Фонтана в бассейне лепечут струй* (М. Цветаева) *вм. Струи фонтана лепечут в бассейне*: “отложено” и “надолго перенесено” слово *струй*. – В.М.]. Троп сей, однако, родовой. Видами оного суть анастрофа, диакопа, сиречь тмезис, диалисис, сиречь парентеза, синхизис и гистерология». Все эти фигуры учёный иллюстрирует примерами из поэтической речи: “Диакопа, или тмезис, есть отклонение от композиции речи вставкой слова со стороны, например: *septem subiecta trioni*, вместо должного быть слитным *septemtrioni*” [38, с. 460; ср.: 5, с. 104–105; 39, с. 29–30], ср.: “*Talis Hyperboreo Septem subiecta trioni | Gens effrena...*” ‘Так и живут дикари под Медведицей гиперборейской...’ (Вергилий, Георгики, III: 381–382). Давно замечено, что “подобные перемещения, если они не затемняют смысл, полезны в периодических

структурах, ибо в периоде должно слова выстраивать так, чтобы возникал поэтический ритм” [40, с. 167]. Если принять во внимание семантический критерий оценки тропов, то все *licentiae poeticae*, названные Диомедом, тропами считать нельзя. Приведём мнение Конрада Дитриха: “В антономасии, ономастопее, эпитете, гипербатоне etc. нет переосмысления слова от прямого значения к иному. Следовательно, тропами они не являются” [41, с. 13].

3. Семантические критерии

Цезарь Дюмарсе (1676–1756), рассматривая суть понятия ‘троп’, пишет: “Слепой в прямом смысле означает ‘лишённый способности видеть’; если же я обозначу этим словом того, кто преодолел свою слепоту, – вспомним слова Иисуса Христа *слепые видят*, – то оно будет употреблено уже не в прямом, а, как выражаются философы, в расщеплённом смысле (*sens divisé*); эта расщеплённость смысла и есть троп” [42, с. 16–17]. Французский богослов и филолог Св. Бонавентура (1217–1274) учит: “*Tropicus sermo dupliciter potest dici*” ‘Тропеическая речь способна говорить двояко’ [43, с. 239]. В соответствии со старинной традицией, “в каждом тропе можно различить два значения” [11, с. 51], а значит лишь “то тропом назвать можно, что включает два смысла (*componendus est e duobus intellectus*)” [1, с. 85]. Если считать троп производной номинативной единицей, то первый из таких смыслов представляет собой переносное значение (основной субъект), второй – прямое, т.е. внутреннюю форму (вспомогательный субъект).

3.1. Дескриптивность

Признание тропа производной номинативной единицей, образованной лексико-семантическим способом, актуализирует вопрос о круге тропообразующих переносов. В немецкой риторике уже к середине XIX в. утвердилась мысль о том, что при использовании тропов “менее чувственное заменяется более чувственным, абстрактное – конкретным” [44, с. 302], в связи с чем число тропов сводится к трём: метафоре, метонимии и синекдохе. Так, Генрих Рихтер полагает, что “чувственная образность мысли”, её “наглядность и изобразительность” возникают “благодаря тропам: метонимии, синекдохе и метафоре” [45, с. 106–107]; Йозеф Шмайссер трактует троп как “замену нечувственного (*nicht sinnlichen*), менее образного слова чувственным, образным:

вместо общего, абстрактного употребляется особое, конкретное” и полагает, что “существует три вида тропов: а) метафора, б) метонимия, в) синекдоха” [46, с. 88]; Фридрих Хайнрихен, понимая тропы как “замену прямого выражения непрямым, вещи – образом”, к их числу относит: а) метафору, б) метонимию, “к коей и синекдоха принадлежит” [47, с. 285–286]. Сходна позиция Г. Гербера: “Мы различаем следующие тропы: а. синекдоху, б. метонимию, с. метафору”, так как они будят “нашу рефлексию, наши размышления, нашу фантазию”, обеспечивают “непосредственное ощущение (*wahrnehmung*) и зрительное восприятие (*anschauung*)” [11, с. 23].

В свете этих наблюдений логично подразделить переносы на два класса: 1) дескриптивные, т.е. апеллирующие к сенсорике, а значит к воображению и фантазии: а) метафора, б) метонимия, в частности синекдоха *pars pro toto* и *totum pro parte*; 2) те, для которых дескриптивный компонент факультативен (условно назовём их абстрактными): а) таксономические: с вида на род, с рода на вид и с вида на вид, в частности на противоположный вид (*permutatio ex contrario* ‘перенос по контрасту’, или антифразис), в том числе астеизм и хариентизм, ср.: “*Antiphrasis est dictio ex contrario significans*” ‘Антифразис есть речь, по противоположности <предмет> обозначающая’ [48, с. 276]; б) грамматические, в частности количественные переносы *ab uno plura*: *И слышно было до рассвета, Как ликовал француз* (М.Ю. Лермонтов) и *a pluribus unum* (*heterosis numerorum*): *Если одобрит начальство* в.м. *начальник*; в) переносы по близкозвучию: фонетическая аллюзия (*шут с ним* в.м. *чёрт с ним*) и метанализ: *Я мыслю, следовательно, но я существую* (И. Губерман).

В основе тропов как номинаций, апеллирующих к воображению, лежат переносы дескриптивного типа: метафора, метонимия и синекдоха. Из этих трёх фигур наиболее значительным изобразительным потенциалом обладает метафора, поэтому считается, что “*tropi maxima species est metaphora*” ‘лучший образец тропа – метафора’ [5, с. 101], что “из всех тропов нет ни более красочного, ни более яркости речи придающего, чем метафора” [49, с. 104].

Э. Райзен также констатирует “связь между работой воображения и тропами”, однако к их числу относит не только метафору и метонимию, но и иронию, отражая результаты своих наблюдений в следующей таблице [50, с. 17]:

На основании этих же критериев систематизирует тропы и Карл Барвик, ср.: *similitudo* ‘сходство’

Ассоциация:	Сходство	Смежность	Противоположность
Работа воображения (Traumarbeit):	Сгущение (Verdichtung)	Смещение (Verschiebung)	Инверсия (Umkehrung)
Троп:	Метафора	Метонимия	Ирония

(метафора), *vicinitas* ‘смежность’ (метонимия и синекдоха) и *contrarium* ‘контраст’ (антифразис) [51, с. 89–90]. Многие учёные (И. Фрейг, Г. Фосс, К. Дитрих, П. Браун и др.) полагают, вслед за французским филологом Питером Рамусом (1515–1572), что “существует четыре вида тропов: метонимия, ирония, метафора и синекдоха” [24, с. 208; ср.: 52, с. 13; 53, с. 6]. Однако поскольку ирония принадлежит к переносам абстрактного типа, а значит с “работой воображения” связана быть не может по определению, более приемлемой представляется позиция тех филологов (Г. Рихтер, Й. Шмайссер, Ф. Хайнихен, Г. Гербер и др.), которые в этот список её не включают. По справедливому суждению А.А. Потебни, ирония “не однородна с тропами (синекдоха, метонимия, метафора)”, так как она “может вовсе обходиться без образа” [54, с. 271].

Если тропеическая двуплановость возникает при переосмыслении лишь дескриптивных значений, то к числу тропов относить нецелесообразно:

1. Приёмы переосмысления абстрактных грамматических значений. Так, в списке тропов, составленном Элием Донатом, находим гипаллагу (эналлагу, гетерозис) – использование одной грамматической формы: рода, числа, лица, наклона, времени (“*enallage generum, numerorum, personarum, modorum ac temporum*” [37, с. 37]) в значении другой. Видами гипаллаги считаются три фигуры, также трактуемые некоторыми учёными как тропы: а) антипосис (переосмысление падежа); б) антимерия (частеречное переосмысление); в) гендиадис – замена подчинительной связи сочинением, ср. у Вергилия: *natura pudorque* ‘природный стыд’, букв. ‘природа и стыд’; у В. Маяковского: *поклонениям и толпам попереk* вм. *поклоняющимся толпам* (пример М.Л. Гаспарова).

2. Выразительные средства, для семантики которых дескриптивный компонент факультативен: не только антифразис, но также гиперболу, перифразу и антономасию, под которой первоначально понимался приём замены имени собственного: а) апеллятивной перифразой: *невец Фелицы* вм. *Державин*; б) нарицательным именем: *Спаситель* вм. *Иисус*. Такая замена, именуемая класси-

ческой антономасией, производится по формуле переноса *species pro individuo*; следовательно, данная фигура абстрактна *ex definitio*. Позже под антономасией начали понимать также: а) образную замену имени нарицательного именем собственным: *Афродита* вм. *красавица*. Данную замену, представляющую собой, по определению Г. Лаусберга, “инверсию” и логическое дополнение схемы классической антономасии, называют прономинацией, или фоссановой антономасией, по имени Г. Фосса, полагавшего, что эта фигура “к метафоре относиться должна (*ad metaphoram referri potest*)” [55, с. 326]; б) замену имени существительного эпитетом на основе эллипсиса, т.е. переименование “на основании реального признака либо представляющегося таковым” [56, с. 151]: *Бужу я память о Дзуликом В сердцах молящихся людей* (А. Блок), ср. *дзуликий дьявол*. Эта замена (случай антимерии) приводит к субстантивации прилагательного: *серый* (о волке), *косой* (о зайце), *лукавый* (о чёрте) и др. Как видим, антономасия слишком многолика, чтобы сводить её к одной из дескриптивных (изобразительных) фигур – метонимии или синекдохе (ср., однако: [7, с. 265; 57, с. 105]).

Трактовки некоторых из указанных выше переносов бывают противоречивы; наиболее показательна в этом плане синекдоха. В “Риторике к Гереннию” читаем: “*Intellectio est, cum res tota parva de parte cognoscitur, aut de toto pars*” [4, с. 138] ‘Синекдоха есть целого предмета под частью подразумевание или части под целым’. Понятие ‘часть’ целесообразно принимать в узком конкретном смысле – как составной либо неотторжимый фрагмент материального объекта. Приложение понятия ‘часть’ к сфере абстракций приводит к отождествлению синекдохы с фигурами таксономического типа, что наблюдаем, например, в концепции испанского филолога и богослова Исидора Гиспалиса (570–636), ср.: “Синекдоха есть перенос с части на целое или с целого на часть, а также с вида на род и с рода на вид, поскольку вид – это тоже часть, а род – это тоже целое” [39, с. 29]. Данная фигура обычно рассматривается с двух точек зрения (топосов, локусов): а) от большего к меньшему (*locus a maiore ad minus*): *genus pro specie, totum pro parte* и *pluralis pro singularis*; б) от меньшего к большему (*locus a minore ad*

maius): species pro genere, pars pro toto и singularis pro pluralis [7, с. 187]. При отнесении к синекдохе фигуры pluralis pro singularis и vice versa она отождествляется с количественными переносами; к этому ряду отождествлений добавляют не соответствующие указанным локусам переносы ex praecedentibus sequentia ‘с причины на следствие’ “или наоборот” [1, с. 77], с материала на изделие (*auro* ‘золото’ вм. *pecunia* ‘деньги’) [40, с. 163] и, вслед за Трифоном, антономасию [3, с. 204], что ещё больше размывает данное понятие. С этой точки зрения вполне обоснованной представляется позиция П. Рамуса, отделившего “собственно синекдоху (*synecdoche recte*), означающую перенос с части на целое и наоборот”, от всех иных причисляемых к ней фигур [24, с. 209].

При составлении перечня тропов учёными не всегда разграничиваются изображение и пояснение, изображение и доказательство, изображение и определение; в результате в список тропов попадают этиология (указание причин и мотивов происходящего), силлогизм и эпанод – перечисление понятий с последующей характеристикой каждого (в списке П. Моселлануса).

3.2. Семантическая двуплановость

При анализе семантической двуплановости тропа необходимо различать:

1. Тропеическое и паразитарное столкновение смыслов. Ещё Квинтилиан указал на то, что “фигуры образуются из того же источника, что и ошибки, поэтому фигура является ошибкой, если она не преднамеренна, а случайна” [1, с. 111], ср. в англ. переводе: “сколько есть фигур, столько же есть ошибок” [58, с. 185]. Так, функционально оправданная двусмысленность является фигурой, паразитарная – ошибкой, ср.: а) «“Зачем вести меня *ко злу*?” – эти слова Филиппа человеку, от которого дурно пахло, насмешливы» [59, с. 181] (диалогия); б) “Можно ли быть равнодушным *ко злу*?” (какэмфатон). Приведём мнение Св. Бонавентуры: “Троп является фигурой, фигура же есть нарушение (*vitium*), наличием цели извиняемое” [43, с. 239]. При невнимании к данному факту прямое (“главное”, “естественное”) значение слова и его однозначность воспринимаются как семантическая норма, “поворот” же (*τρόπος*) от этого значения к другому и двусмысленность – как нарушение, *σολοικισμός*, *vitium*. Граница между выразительными средствами и ошибками становится неопределённой, в результате в число тропов попадают такие *σολοικισμοί*, как амфиболия (паразитарная двусмыслица), плеоназм (дублиро-

вание смысла), силлепсис (рассогласование смыслов в зевгматических конструкциях), синхизис (путаный порядок слов, приводящий к неясности или амфиболии) и катахреза (лат. *abusio* ‘злоупотребление <тропом>’). Последняя “представляет собой приложение имени к другому предмету” в целях “расширения словаря” [39, с. 28]: “Так, мы называем *отцеубийцей* и того, кто убил своего брата, ибо слова *братоубийца* <в латыни> не существует” [60, с. 337]. Внутренняя форма катахрезных наименований (*крыло дома*, *красные чернила*, из ценника: *мясорубка для овощей* etc.) вступает в конфликт с контекстом, однако носители языка это неудобство вынуждены терпеть, поскольку такие наименования им необходимы, поэтому катахреза традиционно именуется *вынужденной* и *необходимой* (*abusio necessaria*).

2. Смысловую двуплановость речи и поведенческое двуличие, речевое притворство. Автор старинной риторики именуется тропы “шестизначными (*τρόπος ἑξαχῶς*)” и, отмечая, что именно “речь, исполненная мысленных тропов, делает Улисса многоликим (*πολύτροπον*)” [17, с. 779], напоминает читателю стих “Одиссеи”, восхваляющий хитроумие и предприимчивость героя:

Ἄνδρα μοι ἔννεπε Μοῦσα πολύτροπον·

‘Муза, скажи наконец мне о муже о том
многоликом...’

Видимо, находясь под воздействием этой когнитивной аналогии, Хиробоск относит к числу тропов эффикцию (*σχῆμα < σχηματίζομαι* ‘притворяться’), определяемую им как “*σολοικισμός* защитительной речи, когда так говорю: *О всемогущий Иоанн, о Боже, сжальтесь, ибо невиновен он!*” [12, с. 817 – 818].

3. Отклонение от основного значения речи и отклонение от основной её темы. В результате отождествления этих двух *τρόποι* в список, составленный Трифоном Александрийским, попала дигрессия (парэкбасис).

4. Эпидигматическое (тропообразующее) и синтагматическое столкновение смыслов. При невнимании к данному ограничению в перечень тропов попадают: а) антитетон (у Элия Доната) и антитеза [61, с. 18]; б) оксюморон; в) гомеозис (сравнение), в частности антоподосис (развёрнутое сравнение) [17, с. 715] и икона (“*Icon, Imago*”) – образное сравнение: *Os humerosque deo similis* ‘Видом (букв. *костью*. – В.М.), плечами богу подобный’: “так образу бога уподобляет Энея поэт” [6, с. 29–30]. Двупланова, однако, метафора, а не сравнение, свёрткой которой она является, ср. *οσῆλ* ‘глупец’ (эпидигматическое

взаимодействие значения и внутренней формы) < глуп, как осёл (синтагматическое взаимодействие значений ряда номинативных единиц).

Учёными не всегда разграничиваются изобразительность двуплановая и одноплановая, поэтому среди тропов оказались: а) типы дескрипции: хронография, топография и география (в списке Элия Доната), энэргия и характеристика (у Трифона); б) парадигма (у П. Моселлануса) – “пример из истории, в подражание другим приводимый” [6, с. 30], т.е. хрия – назидательный нарратив, в отличие от аллегии семантически одноплановый; в) ономатопоия (*fictio nominis* ‘создание слов, словообразование’). Трифон, рассматривая приёмы ономатопоии (“по этимологии, по аналогии, по близкзвучию, через изменение, через разделение” etc.), как пример “ономатопоии по аналогии” приводит неологизм Софокла *γερονταγωγεῖν* ‘учить старых, быть геронтагогом’, образцом для которого послужил глагол *παιδαγωγεῖν* ‘учить детей, быть педагогом’; как пример “ономатопоии через изменение (κατὰ ἐναλλαγήν)” – ещё один неологизм Софокла, созданный посредством метатезного словообразования: *γύνανδροι* < *ανδρόγυννοι* ‘гермафродиты’ [3, с. 196]. Позже понятие ономатопоии сужается до обозначения звуковых имитаций (“*nominis confictio soni imitatione*” [62, с. XVII]: *sibilus* ‘свист’, *murmur* ‘журчание’, *tugitus* ‘мычание’ и др. (примеры Квинтилиана). Как видим, ономатопоия “настоящим тропом не является, ибо значения не меняет” [37, с. 12; ср.: 24, с. 210].

Отдельного рассмотрения требует вопрос о тропеическом статусе эпитета. Ещё Пьер Фонтанье (1765–1844) отметил, что эпитет даёт разную характеристику предмета, “украшает речь, делает её более живой” [63, с. 324]. Этим он отличается от логического, сугубо уточняющего определения, которое используется для родо-видового членения понятия, ср.: *береза – карельская, карликовая, каменная...* (логические определения); *белая, белоногая, раскидистая...* (эпитеты). Б.В. Томашевский поясняет: “Задача логического определения – индивидуализировать понятие или предмет, отличить его от подобных же понятий”, эпитет же обозначает признак “не с целью различения, а с целью придачу слову особой стилистической окраски” [64, с. 200–201]. Логические определения и эпитеты противопоставлены только функционально, что исключает проведение между ними жёстких границ. Иными словами, любое логическое определение, используемое в эстетической функции, может стать эпитетом, если оно “речи сообщает изящество и представляет перед взором предмет” [65, с. 8], ср.

мраморная лестница и: *В тени порфирных бань и мраморных палат Вельможи римские встречали свой закат* (А.С. Пушкин). Современное подразделение определений на украшающие и логические восходит к противопоставлению определения “декоративного” (*epitheton ornans*) и “необходимого” (*epitheton necessarium*), которое “различия ради (*diferētionis causa*) прибавляется” [66, с. 88]. В старинных европейских грамматиках эпитет определялся в противопоставлении прилагательному: “Эпитет – слово, обозначающее качество или титул в более орнаментальном стиле, чем прилагательное” [67, с. 43].

Достаточен ли функциональный критерий орнаментальности (декоративности) для включения эпитетов в состав тропов? Думается, что нет, поскольку не все номинативные типы эпитетов могут быть отнесены к числу тропов.

Подразделим эпитеты по способу номинации на следующие категории: 1) эпитеты с прямым значением, или прямые эпитеты [лат. *epitheton proprium*]: *белые* зубы (Квинтилиан), *жёлтый* луч, *зелёный* лес; 2) эпитеты с переносным значением, или переносные эпитеты: а) метафорические: *алмазные фонтаны*, *золотой* луч; б) метонимические: *белый* запах роз, *зелёный* шум (Н.А. Некрасов). Последние образуются при использовании фигуры смещения: *шум зелёного леса* → *зелёный* шум, поэтому их называют смещёнными.

К числу тропов могут быть отнесены только эпитеты с переносными значениями (поэтому такие эпитеты именуют тропеическими). Приведём мнение Квинтилиана: “Но более всего украшены <эпитеты> переносами... И из всех иных свойств эпитета именно это делает его тропом” [1, с. 81].

Здесь заметим, что и греческий термин *μεταφορά*, и скалькированный с него латинский термин *translatio* первоначально обозначали любой перенос. Один из комментаторов Гермогена из Гарса (II–III вв.) пишет: “Nunc agit de Tropis, qui ad Translationem sive ad Metaphoram tum ab Aristotele tum hîc ab Hermogene reducuntur. ... *Τρέπειν* est *μεταφέρειν* transferre, & Tropi nihil sunt aliud quam Translationes” ‘Теперь перейдём к тропам, которые к переносу, или к метафоре, начиная с Аристотеля и Гермогена, сводятся. ... *Τρέπειν* означает *μεταφέρειν*, т.е. переносить, и тропы суть не что иное, как переносы’ [68, с. 108]. Со временем эти термины приобрели узкие значения: *μεταφορά* ‘перенос ex analogia’; *translatio* ‘перенос ex analogia’, ‘метатеза’ и ‘гетерозис’ – использование одной грамматической формы (рода, числа, лица, наклонения, времени)

или части речи (разг. *через* “*не хочу*”) в значении другой. В “Филологическом лексиконе” Матфея Мартиниуса читаем: «Метафора, *translatio*. У риториков: перенос по сходству (*ex simili*). Иногда, впрочем, перенос слова, или троп в широком смысле (*in genere*) обозначает, как в “Поэтике” Аристотеля, гл. 21: “Метафора есть имени на нечто иное перенесение (*αλοτρίυ ἐπιφορά*)» [69, с. 220]. Этот, видимо, не вполне очевидный факт иногда не учитывается:

1. При составлении дефиниций. Так, Сервий Донат (IV в.), а вслед за ним и Беда Достопочтенный (672–735) пишут: “*Tropus est dictio translata a propria significatione ad non propriam similitudinem* (курсив наш. – В.М.) *ornatus necessitatisve causa*” ‘Троп есть выражение, перенесённое от прямого значения к *сходному* непрямоу для украшения и по необходимости’. Далее следует перечисление, явно вступающее в конфликт с данным определением, приложимым скорее к переносу по сходству (виду), чем к тропу (роду): “метафора, катахреза, металепис, метонимия, антономасия, эпитет, синекдоха, оноματοпея, перифраза, гипербатон, гипербола, аллегория, гомезис” [70, с. 339; 71, с. 611]. Исидор Гиспалис также толкует тропы как переносы “от прямого значения к непрямоу по сходству (*à propria significatione ad non propriam similitudinem*)”, но далее приводит следующий ряд: метафора, катахреза, металепис, метонимия, антономасия, эпитет, синекдоха, оноματοпея, перифраза, гипербатон (“кого пять видов есть: анастрофа, гистеропротерон, парентеза, тмезис, синхизис”), гипербола, “аллегория – иносказание, когда одно говорят, а подразумевают иное” (“этого тропа семь видов имеется: ирония, антифразис, энigma, хариентизм, паремия, сарказм, астеизм”) и сравнение [39, с. 27–31]. Сопоставим две дефиниции, составленные константинопольским грамматиком Флавием Харисием (IV в.): “*Tropus est dictio translata a propria significatione ad non propriam similitudinem decoris aut necessitatis aut cultus gratia*” ‘Троп есть выражение, перенесённое от прямого значения к непрямоу по сходству ради украшения, необходимости или отделки’; “*Metaphora est dictio translata a propria significatione ad non propriam similitudinem decoris aut necessitatis aut cultus gratia*” ‘Метафора есть выражение, перенесённое от прямого значения к непрямоу по сходству ради украшения, необходимости или отделки’ [48, с. 272]. Как видим, два различных термина получили одно определение. Отождествление метафоры *in genere* (тропа) и *ex analogia* находим и в трактате видного немецкого теолога и языковеда Соломона Гласса “Священная филология” (1623) [72, с. 1515–1516].

2. При переводе трудов античных авторов, ср.: а) латинский оригинал приведённой выше цитаты из трактата Квинтилиана “Наставления оратору”: “*Exornatur autem res tota maxime translationibus*” “Но более всего украшены <эпитеты> *переносами* (курсив наш. – В.М.)”; б) английский перевод, выполненный Дж. Уатсоном: “Но орнаментальные эпитеты наиболее действенны, когда они *метафоричны* (курсив наш. – В.М.)” [58, с. 134].

Проблема соотношения эпитетов и тропов (“метафор *in genere*”) получила несколько различных таксономических решений, в частности следующие:

1. Многие учёные трактуют эпитет как “образное определение, обычно выражаемое *прилагательным-метафорой* (курсив наш. – В.М.)” [73, с. 154, 155 и 138], “троп *метафорической* (курсив наш. – В.М.) группы” [74, с. 132], тем самым ограничивая состав эпитетов одним номинативным типом, ср.: «Эпитет – в собственном смысле, образная характеристика какого-либо лица, явления или предмета посредством выразительного *метафорического прилагательного* (курсив наш. – В.М.). Как художественную деталь эпитет нельзя смешивать с определительными прилагательными. Например, прилагательные “белый снег” или “мягкий снег” будут просто предметными и логическими определениями, но в выражениях “сахарный снег” или “лебяжий снег” прилагательные являются эпитетами, потому что они дают дополнительную, художественную характеристику в виде скрытого сравнения» [75, с. 359]. Однако среди примеров, приведённых А.П. Квятковским, находим и метонимические эпитеты: *Под нами с грохотом чугунным Мосты мгновенные гремят* (А. Фет); *влажный блеск малиновых улыбок* (И. Анненский), эпитеты с прямым значением: *Румяным, громким восклицаньем* (Ф. Тютчев), а также “эпитетные местоимения”: *И такой на небе месяц, Хоть иголки подбирай* (М. Исаковский). Но поскольку местоимение ввиду отсутствия в его содержании дескриптивных элементов не поддаётся образному переосмыслению, “эпитетные местоимения”, даже при широком *современном* осмыслении категории прилагательного, вряд ли можно отнести к разряду “метафорических прилагательных”. Как видим, иллюстративная часть словарной статьи противоречит дефиниции.

2. П. Рамус, критикуя концепцию Квинтилиана, строит следующий силлогизм: “Поскольку троп есть выражение с переосмысленным значением, а эпитет *часто значения не меняет* и выступает в

прямом употреблении, то, следовательно, *эпитеты тропами не являются* (курсив наш. – В.М.)” и “включены в их состав по ошибке (ergo hic obtrusum, букв. ‘втиснуты’)” [24, с. 215 и 210]. Ещё более категоричен Киприан Соарес (1524–1593): “Эпитет тропом не является, поскольку он не производит переноса” [40, с. 164]. Заметим, что и сам Квинтилиан выражает сомнение: “Однако некоторые не видят здесь (в эпитете. – В.М.) вовсе тропа (omnino tropus) при отсутствии переноса” [1, с. 81]. Думается, что в состав тропов не могут быть “втиснуты” только прямые эпитеты, переносные же (тропеические) следует отнести к числу тропов ex definitio.

* * *

Как номинативная единица троп связан с парадигматическим измерением языковой системы, а значит с идеей “выбора синонимов” и “богатства речи (соріа verborum)” [7, с. 248], как единица производная – с эпидигматическим измерением. Признание тропа производной единицей, образованной лексико-семантическим способом, имплицитно подразумевает необходимость выявления тропообразующих переносов. К этому разряду следует отнести “переосмысления под некую картинку” (И. Гарланд), т.е. переносы дескриптивного типа, апеллирующие к сенсорике, а также “воображению и фантазии” (Г. Гербер). С данным ограничением связана тенденция к постепенному сокращению списка тропов: так, если в перечнях Трифона из Александрии и Элия Доната насчитывается около сорока единиц, то П. Рамус и сторонники его концепции (И. Фрейг, Г. Фосс, К. Барвик, Э. Райзен и др.) сводят число тропов к четырём: метафоре, метонимии, синекдохе и антифразису, филологи же XIX в. (Г. Рихтер, Й. Шмайссер, Г. Гербер, А.А. Потенба и др.) сокращают количество тропов до трёх (метафора, метонимия и синекдоха) и даже, как, например, Ф. Хайнихен, до двух единиц (метафора и метонимия).

И в старину, и в Новое время применение термина *троп* “у разных авторов отличается чрезвычайным разнообразием и иногда противоречиво” [76, с. 35]. За каждым из таких применений стоит определённая научная традиция, поэтому прав Ричард Ланхэм, утверждая, что предпочтение “любой отдельной дефиниции <тропа> носило бы характер диктата (would be prescriptive)” [77, с. 154]. Тем не менее, нельзя не отметить, что наиболее противоречивыми с точки зрения логики и уязвимыми с точки зрения современной лингвистики, в частности теории номинации, являются варианты широких трактовок тропа; более бла-

гополучным в этом отношении представляется узкое его осмысление как семантически двуплановой дескриптивной (*семантические критерии*) номинативной единицы (*семиотический критерий*), используемой в декоративных целях (*функциональный критерий*). Семиотическое расширение ведёт к сложностям в разведении: а) тропов и фигур; б) понятий ‘троп’ и ‘перенос’; семантическое – к трудностям в отграничении тропов: а) от средств прямой номинации; б) от номинативных единиц, образованных на основе переносов абстрактного типа; функциональное – к отождествлению понятий: а) ‘троп’ и ‘выразительное средство’; б) ‘троп’ и ‘номинативное средство’.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854.
2. Ахманова О.С., Натан Л.Н., Полторацкий А.Н., Фатющенко В.И. О принципах и методах лингвостилистического исследования / Под ред. О.С. Ахмановой. МГУ, 1966.
3. *Τρόπωνος*. Περί τρόπων // Rhetores graeci: ex recognitione Leonardi Spengel. Vol. III. Lipsiae, 1856.
4. Rhetoricorum ad Herennium libri quatuor. Lugduni, 1588.
5. Aelii Donati Methodus. Tiguri, 1553.
6. Tabulae de schematibus et tropis Petri Mosellani, in rhetorica Philippi Melancthonis, in Erasmi Roterodami libelum De duplici copia. Parisiis, 1536.
7. Lausberg H. Handbook of Literary Rhetoric: A Foundation for Literary Study. Leiden, 1998.
8. Corbett E.P.J. Classical rhetoric for the modern student. 2-nd ed. New York, 1971.
9. Crowley Sh. Ancient Rhetorics for Contemporary Students. New York, 1994.
10. Gerardi Joannis Vossii Commentariorum rhetoricorum sive oratoriarum institutionum libri sex. Lugduni Batavorum, 1630.
11. Gerber G. Die Sprache als Kunst. Bd. II. Berlin, 1885.
12. Γεωργίου του Χοιροβόσκου Περί τρόπων ποιητικῶν // Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus / Emend. Ch. Walz. Vol. VIII. Stuttgartiae et al., 1835.
13. Institutiones Rhetoricae Philippi Melancthonis. Haguenoae, 1521.
14. Roberti Stephani lexicographorum principis Thesaurus linguae latinae: in IV t. T. II. Basileae, 1740.
15. D. Erasmi Roterodami De Duplici Copia Verborum Ac Rerum Commentarii Duo. Coloniae, 1560.
16. Scherer W. Poetik. Berlin, 1888.

17. *Ανωνύμου Περί τρόπων* // *Rhetores graeci, ex codicibus Florentinis, Mediolanensibus, Monacensibus, Neapolitanis, Parisiensibus, Romanis, Venetis, Taurinensibus et Vindobonensibus / Emend. Ch. Walz. Vol. VIII. Stuttgartiae et al., 1835.*
18. Johannes de Garlandia. *Compendium grammatice*. Köln, 1995.
19. Шнем Г.Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
20. Ricoeur P. *The rule of metaphor: Multi-disciplinary studies of the creation of meaning in language*. London, 1986.
21. M. Tullii Ciceronis *Opera quae supersunt omnia secundum optimaev novissimasque editiones. Vol. I. Mannhenii, 1783.*
22. Григорьев В.П. Тропы // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 26. М., 1977.
23. *Rhetoricæ synopsis, in qua breviter, at perspicue Omnia, quæ ad hanc Artem pertinent, exponuntur. In usum gymnasii genevensis. Lausannæ, 1739.*
24. *Arguments in Rhetoric Against Quintilian: Translation and Text of Peter Ramus's Rhetoricæ Distinctiones in Quintilianum. Southern Illinois Univ. Press, 2010.*
25. Wiskemann H. *Commentatio de veterum oratione translata sive figuratâ. Hersfeld, 1843.*
26. Тошович Б. Структура глагольной метафоры // *Stylistika. Вып. VII. Opole, 1998.*
27. Adelung J.Ch. *Ueber den Deutschen Styl. T. 1. Berlin, 1785.*
28. Чернец Л.В. К теории поэтических тропов // *Вестник Моск. ун-та. Серия IX. Филология. 2001. № 2.*
29. Lenchak T. *A rhetorical-critical investigation of Deuteronomy 28,69 – 30,20. Roma, 1993.*
30. Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М., 2004.
31. *Graecum lexicon manuale primum a Benjamine Hederico institutum. Londini, 1825.*
32. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. М., 1996.
33. Дуров В.С. Основы стилистики латинского языка. М.; СПб., 2004.
34. Landfester M. *Einführung in die Stilistik der griechischen und lateinischen Literatursprachen. Mit einem Beitrag von Barbara Kühn über Formen des Prosarhythmus. Darmstadt, 1997.*
35. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994.
36. Шкловский В.Б. Искусство как приём // *Поэтика. Пг., 1919.*
37. *Epitome troporum ac schematum et Grammaticorum & Rhetorum Ioanne Susendroto. Lugduni, 1551.*
38. *Diomedis Artis Grammaticae Libri III // Grammatici Latini: 8 vols. / Ed. H. Keil. Vol. I. Lipsiae, 1857.*
39. *Isidori Hispalensis episcopi Originum libri viginti ex antiquitate eruti. Basileæ, 1577.*
40. *Tabulae rhetoricae Cypriani Soarii (1589) // Rhetoric and dialectic in the time of Galileo / Ed. Jean Dietz Moss & W.A. Wallace. The Catholic Univ. of America Press, 2003.*
41. *Institutiones Rhetoricæ Cunrado Dieterico. Giessæ Hassorum, 1654.*
42. *Traité des tropes. Pour servir d'introduction à la rhétorique et à la logique. Par Mr. Du Marsais. A Leipsic, 1757.*
43. *Sancti Bonaventuræ Opera. T. 3. Venetii, 1753.*
44. *Koch Ch.F. Deutsche Grammatik nebst den Tropen und Figuren und den Grundzügen der Metrik und Poetik. Jena, 1862.*
45. *Richter H.F. Lehrbuch der Rhetorik. Leipzig, 1832.*
46. *Schmeisser J.R. Lehrbuch der Rhetorik. Aufl. 5. Karlsruhe, 1868.*
47. *Heinichen F.A. Lehrbuch der Theorie des lateinischen Stils. Leipzig, 1842.*
48. *Flavii Sosipatri Charisii Artis Grammaticae Libri V // Grammatici Latini: 8 vols. / Ed. H. Keil. Vol. I. Lipsiae, 1857.*
49. *Fons eloquentiae sive M.T. Ciceronis orationum analysis rhetorica perpetua. T. 4. Antverpiæ, 1695.*
50. *Reisen E. Rhetorische Tropen in psychoanalytischer Sicht. Stuttgart, 1994.*
51. *Barwick K. Probleme der stoischen Sprachlehre und Rhetorik. Berlin, 1957.*
52. *Rhetorica, Poetica, Logica, ad usum Rudiorum in Epitomen Redactæ per J. Th. Freigium. [Nurembergæ], 1580.*
53. *Braun P.A. Versuch über die Tropen. Würzburg, 1847.*
54. *Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.*
55. *Vossius G.J. Rhetorices contractae, sive Partitionum oratoriarum libri quinque. Matriti, 1781.*
56. *Puttenham G. The Arte of English Poesie. 1589. Kent. Univ. Press, 1988.*
57. *Williams D. Composition, literary and rhetorical, simplified. London, 1850.*
58. *Quintilianus M.F. Institutes of oratory: or, Education of an orator. London, 1856.*
59. Цицерон М.Т. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994.
60. *Desiderius Erasmus. De copia: De ratione studii. Univ. of Toronto Press, 1978.*
61. *Wolf A.J. Troporum causas divisionem ac affectiones: Diss. orator.-philos. Ienae, 1754.*
62. *Troporum, schematum, idiomatumque communium liber Barptolemæo Westhemero. Basileæ, 1551.*
63. *Fontanier P. Les Figures du discours / Éd. G. Genette. Paris, 1968.*

64. *Томашевский Б.В.* Стилистика и стихосложение. Л., 1959.
65. *Dannehl G.* De tropis. Particula I. De translationum, metonymiae, synecdoches apud poetas aevi Augustei usu: Dissertatio inauguralis. Halis Saxonum, 1868.
66. *Lexicon philosophicum graecum Rodolphi Goclenii.* Marchioburgi, 1615.
67. *Rowbotham H.J.* A new derivative and etymological dictionary of such English words as have their origin in the Greek and Latin language. London, 1838.
68. *Hermogenis Ars oratoria absolutissima, et libri omnes. Cum nova Versione Latina e regione Contextus Graeci, & Commentariis Gasparis Lavrentii.* Coloniae Allobrogum, 1614.
69. *Matthiae Martinii Lexicon philologicum.* T. I. Amstelodami, 1701.
70. *Probi Donati Servii qui feruntur de arte grammatica libri // Grammatici latini / Ex rec. H. Keilli.* Vol. IV. Lipsiae, 1864.
71. *Bedae Venerabilis Liber de schematibus et tropis // Rhetores Latini minores / Emend. C. Halm.* Lipsiae, 1863.
72. *Salomonis Glassii Philologia sacra.* Lipsiæ, 1713.
73. *Никитина С.Е., Васильева Н.В.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996.
74. *Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М.* Стилистика английского языка. Л., 1969.
75. *Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966.
76. *Губер А.А.* Тропы // Большая советская энциклопедия. Т. 55. М., 1947.
77. *Lanham R.A.* A Handlist of Rhetorical Terms. 2-nd ed. Univ. of California Press, 1991.